

ДОМ

Я просыпаюсь в доме моего прадеда.

Редкий русский может так о себе сказать.

Я просыпаюсь в доме моего прадеда на рассвете в конце января, в маленьком городе у реки на границе леса с подстепьем, на Красноармейской (бывшей Подъяческой), ведущей к Красной площади (бывшей Нижней Торговой).

От нее раскинулись улицы, словно пальцы:
как если бы, сидя спиной к реке,
ладонь положить на землю.

Крепко держали городок в кулаке
купцы Нечаевы, Паршины, Грязевы.
Девять храмов построили.

Прадед не участвовал, сумел увернуться, ломали другие.
Болдин какой-то особо усердствовал, по воспоминаниям,
Пестерев и Сопронов.
Все храмы свели на нет.
Потому крестили меня не здесь.

Повезли в деревню за тридевять километров,
вниз по Советской (бывшей Соборной) и дальше.
Тайно, чтобы без неприятностей на работе.

Морозно, окна заиндевели, шумит АГВ.
Две крохотные комнаты и одна чуть побольше.
Как они все здесь умещались? –
Прадед, прабабка, четверо их детей
да еще родственники-приживалы.
После войны им стало свободней, втроем.

А позже мой дед, зятем въехав сюда,
дом расширил: кухню пристроил, веранду,
новые яблони посадил.
В доме тепло, за стеной заснеженные деревья.

На соседней улице, Карла Маркса (бывшей Дворянской), –
пять сотен шагов отсюда –
Бунины жили в каменном одноэтажном особняке.
Иван у них часто гащивал, у матери с братом.
Написал здесь «Чашу жизни», «Деревню» и прочее.
Я читал, понял почти все слова, я еще русский?

Люблю вообразить их встречу,
Бунина с моим прадедом Алексеем.
Писатель бы яблок купил у него
на Верхней Торговой (сейчас Комсомольской)
или случайно плечами столкнулись бы
где-нибудь на Московской (ныне Свердлова).
Мне приятно думать об этом.
Но нет, не могли.

Я просыпаюсь один в доме моего прадеда,
куда он заселился в середине двадцатых,
как ценный руководящий кадр,
вместо прежних жильцов –
попа с попадьею и их дочек,
чьи имена мы постарались забыть.